

КАВКАЗСКАЯ ОДИССЕЯ ИСПАНСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ХУАНА ВАН ГАЛЕНА

АРАМЯН А.

Мемуары испанского революционера Хуана Ван Галена, служившего на Кавказе в 1819–1820 гг., были многократно изданы на испанском. Еще французском и английском языках, в русской печати они появились в сокращенном переводе Н.А. Белозерской¹.

Бельгиец по отцу, Хуан Ван Гален родился в 1790 г. в Испании. После окончания морского училища поступил на службу в испанский флот. Еще юношей он примкнул к герильясам, сражавшимся против вторгшихся в Испанию наполеоновских войск, участвовал в обороне Мадрида. В 1813 г. он поступил на службу в каталонскую армию. Возвращение на престол Фердинанда VII, восстановление инквизиции, увеличение расходов двора вызвало в стране общественное недовольство, появились тайные общества.

Ван Гален стал одной из первых жертв деспотизма: его в декабре 1815 г. арестовали по доносу одного из мнимых друзей, выдавшего участие Ван Галена в подготовке восстания в Каталонии. Он был брошен в тюрьму, смог добиться аудиенции у короля, но безуспешно, так как не выдал своих друзей, за что был предан инквизиционному суду, который вынес решение подвергнуть его мучительными пыткам.

Прошло много времени, прежде чем Ван Гален поправился и предпринял попытку бежать из заточения, в чем ему помогли приемная дочь тюремщика, а также его смелость и находчивость.

Друзья снабдили его фальшивым паспортом, предоставили жилье, где он оставался до полного восстановления сил. В июне 1818 г. он прибыл в Англию.

Оказавшись без всяких средств к существованию, Ван Гален решил поступить на военную службу в такой стране, интересы которой не могли

¹ **Записки Ван Галена** (Исторический вестник, 1884, № 5–6).

бы столкнуться с интересами Испании. Такой страной представлялась ему далекая Россия. В Лондоне, через секретаря русского посольства Д.Н. Блудова, принявшего близкое участие в судьбе испанского эмигранта, Ван Гален получил паспорт для поездки в Петербург, а также рекомендательные письма к влиятельным лицам в столице.

В результате знакомства с петербургским светским обществом вокруг Ван Галена образовался ближний круг лиц, с симпатией и пониманием оценивших его положение и протянувших руку помощи. Это были князья Голицыны, братья Тургеневы, испанец, генерал А. Бетанкур, управляющий путями сообщения в России, проникшийся особым сочувствием к опальному соотечественнику и др.

Рассказывая о дружеской поддержке новых знакомцев, Ван Гален, видимо из соображений конспирации, ничего не сообщает о своих беседах по поводу испанских событий, которые, полагаем, должны были иметь место, в частности, в общении с Н.И. Тургеневым, в своих дневниковых записях приветствовавшим испанскую революцию и считавшим республиканское правление идеалом всего человечества. Несомненно, дружески-доверительное общение могло быть и с князем М.Ф. Голицыным, который впоследствии, после подавления восстания декабристов, в числе других подозреваемых был привлечен «по делу о злоумышленном обществе».

После ряда неудачных попыток поступить на военную службу друзья посоветовали Ван Галену подать прошение о принятии в кавказскую армию, где генерал Ермолов пользовался уважением не только со стороны русских офицеров и солдат, но и покоренных народов. Наконец, 16 мая 1819 г. Ван Гален получил приказ о зачислении в чине майора в 44-ый Нижегородский драгунский полк.

Встреча с А.П. Ермоловым, знакомство с его подчиненными укрепили в сознании Ван Галена представление о генерале как об особенной личности. Будучи высокопрофессиональным военным и человеком редкого обаяния и эрудиции, он создал на Кавказе «особого характера человеческий коллектив» – содружество военных, где главным мерилom в оценке человека были личная ценность человека, присущие ему качества, а не знатное происхождение и связи.

Постепенно из бесед с офицерами полка Ван Гален составил представление о войне с горцами, узнал быт военных, от сподвижников Ермолова услышал много рассказов о нем. Генерал старался упорядочить жизнь и быт местного населения, как отмечает Ван Гален, «благодаря знанию характера и национальных особенностей народов, Ермолов стремился дать каждой нации возможность заниматься своим делом: создал условия, чтоб армяне могли беспрепятственно заниматься торговлей, так как они преуспевали на этом поприще, учитывая честолюбие грузин, привлек их в свою армию»².

По поручению Ермолова Ван Гален отвез в Тифлис генералу Вельяминову депеши и вынужден был задержаться в городе на два месяца, заболев лихорадкой. Не оправившись от болезни, страшно похудевший, он решил вернуться в полк.

В Караагаче, где был расквартирован на зиму Нижегородский полк, его радушно приняли, предоставив жилье и двух денщиков. Однако, несмотря на известные удобства, зимовка в горах показалась ему ссылкой, бездействие, однообразный распорядок жизни сильно тяготили его. Он попросил Ермолова направить его в одну из экспедиций против горцев и получил назначение в штаб генерала Мадатова. Оставшись в Тифлисе, Ван Гален имел возможность довольно подробно ознакомиться с городом.

Тифлис, являясь резиденцией главнокомандующего, выполнял роль административного центра края. Как отмечает Ван Гален, «в новой части Тифлиса было несколько общественных зданий, предназначенных для главнокомандующего и офицеров штаба, князя Мадатова, а также дома других дворян и богатых армян»³.

Упоминание армян как привилегированных жителей Тифлиса неслучайно. Известно, что армяне издавна жили в Тифлисе. По данным Александра Негри, советника при штабе А.П. Ермолова, в 1817 г. в Тифлисе

² **Memoirs of Don Juan Van Halen**, vol. II, London, 1830, p. 209. Далее – *Memoirs*.

³ Там же, с. 231.

Кавказская одиссея испанского революционера Хуана Ван Галена

насчитывалось 2000 домов или более 20000 жителей, из них армянам принадлежало 1800–1850 домов, где проживало 16000–17000 чел.⁴.

Численное превосходство армян, активное участие армянского торгового капитала в жизни города способствовали тому, что «в новые времена, находясь под властью русских, Тифлис предоставил армянам условия экономического и духовного процветания, развития торговли и промышленности, обеспечил права личности и неприкосновенность имущества, чего они были лишены под властью персидской и турецкой тирании»⁵. В Тифлисе проживали влиятельные армянские землевладельцы, князья Аргутинские, Бебутовы, Коргановы и др.

В штабе Мадатова Ван Гален приобрел много новых друзей, среди них – сын популярного беллетриста, полковник М. Коцебу, будущий декабрист А. Якубович, Василий (Барсег) Бебутов, принадлежавший к известному княжескому роду, получивший военное образование в Санкт-Петербургском кадетском корпусе, барон Ренненкампф, князь Орбелианов, племянник генерала Вельяминова и др.

В своем капитальном исследовании «Грибоедов и декабристы» М.В. Нечкина подробно прокомментировала пребывание Ван Галена на Кавказе, представив его окружение, где в числе сослуживцев был назван и полковник Давид Бебутов, служивший в Малороссии. М.В. Нечкина сообщает: «Позже Бебутов служил в ермоловском корпусе в Нижегородском полку и также дружил с испанским революционером Ван Галеном, служившим там же»⁶. Однако данное утверждение М.В. Нечкиной кажется нам несостоятельным, ибо в «Мемуарах» Ван Галена часто фигурирует Василий Бебутов, старший брат Давида. Служба в штабе Мадатова сблизила Ван Галена с В. Бебутовым, которого он неоднократно упоминает в своих воспоминаниях.

По нашему мнению, досадная оплошность М.В. Нечкиной, объединившей братьев Бебутовых и приписавшей Давиду службу с Ван Галеном,

⁴ Հակոբյան Պ.Հ., Խաչատուր Աբովյան, Ե., 1967, էջ 159:

⁵ Там же, с. 159–160.

⁶ Нечкина М.В., Грибоедов и декабристы, М., 1977, с. 234.

– это частный случай, не влияющий на исключительную ценность работы автора. Полагаем, что приведенные нами факты снимают вопрос о знакомстве и дружбе Д. Бебутова с Ван Галеном и службе с ним в Нижегородском полку, что же касается дальнейшей судьбы Д. Бебутова, известно, что в связи с русско-персидской войной он подал прошение о переводе в Отдельный кавказский корпус, получив назначение в Нижегородский полк (1828)⁷, однако это был уже не ермоловский корпус, так как генерал был отправлен в отставку, а Ван Гален в 1820 г. покинул Россию.

Исключительный дух военного братства, выпестованный А.П. Ермоловым, привлекал особый интерес испанского революционера, встретившего на Кавказе добрый прием и нашедшего истинных друзей в штабе генерала Мадатова.

Попав в отряд Мадатова, Ван Гален имел возможность сблизиться и оценить эту яркую, неординарную личность. Он пишет: «Мадатов, уроженец Карабаха, поступил на службу к русским очень молодым, участвовал в кампании против Наполеона, потом служил в Грузии под началом генерала Ермолова. Его знание языков и обычаев страны, воинственный характер, дворянское честолюбие вместе с красивой внешностью и изысканными европейскими манерами создали ему большую популярность»⁸. Интересные факты из «прошлой» жизни Мадатова сообщает Раффи. Когда карабахские мелики Фрейдун Мелик-Бегларян и Джумшуд Мелик-Шахназарян отправились в Санкт-Петербург на встречу с императором Павлом I, в их свите находился и юный Ростом – сын погонщика мулов мелика Шахназара... «Еще в 14-летнем возрасте Ростом, удрав из Карабаха в Астрахань, стал там учеником у полкового маркитанта. Это занятие позволило ему изучить русский язык. Когда мелики, по пути в Санкт-Петербург, проезжали через Астрахань, Ростом затесался в их довольно многочисленную свиту. Его взяли с собой, полагая, что он пригодится в пути в качестве переводчика. Санкт-Петербург так увлек юношу, что он решил остаться здесь. Мелик Джумшуд выдал сыну погонщика мулов своего отца грамоту

⁷ Генерал-лейтенант Давид Осипович Бебутов. СПб., 1867, с. 44.

⁸ *Memoirs*, с. 234.

о дворянском происхождении, и по его просьбе Ростом зачислили в военную школу. Этот юноша впоследствии стал знаменитым князем Мадатовым, который прославился во время турецкой, французской и персидской кампаний»⁹.

Участие Ван Галена в экспедиционной поездке отряда Мадатова на его родину, в Карабах, позволило испанцу увидеть этот край, оценить встреченные в пути достопримечательности: так пытливый взгляд иностранца, проезжавшего кирпичный мост с пятью арками, проложенный через Храмы, приток Куры, привлекают руины старого моста с несколькими башнями, что позволило ему сделать вывод о том, что «в древние времена здесь располагался богатый город, так как мост находился на перекрестке дорог из Елизаветполя, Еревана, Каракилиса и Гюмри»¹⁰. Действительно, на этом месте в древности был мост, который со временем разрушился. В XVII в. был построен новый, Красный мост, названный так из-за красного цвета кирпича.

Панорама Шамхора навеяла Ван Галену воспоминания о родине: «Равнины Шамхора чрезвычайно похожи на равнины провинции Ла-Манчи: ни там, ни здесь не было ни единого дерева»¹¹. От Гянджи в Карабах вели две дороги, как замечает автор, одна более благоустроенная (125 верст) и другая, которая сокращала путь вдвое: «Все мои друзья избрали вторую дорогу, но так как мое здоровье не позволяло ехать с ними, я поехал по длинной дороге в сопровождении моего слуги и двух казаков. Дорожная тишина нарушалась лишь монотонною песней грузин, которая днем и ночью звучала в ушах»¹².

Недалеко от Шуши, возле водопада к ним пристал нищий, который сопровождал их до города, пока не получил денег: «Позже князь Мадатов объяснил, что такого типа бродяги, приставая к караванам и представляя себя их защитниками, доходят до самой Индии»¹³, – замечает Ван Гален.

⁹ Раффи, Меликства Хамсы, Е., 1991, с. 124.

¹⁰ *Memoirs*, с. 238.

¹¹ Там же, с. 240.

¹² Там же, с. 245.

¹³ Там же, с. 248.

Тягостное впечатление оставило на него посещение Шуши: «Улицы Шуши были в сплошной грязи из-за постоянных дождей. Я никогда не видел таких убогих домов... Мадатов израсходовал огромную сумму на строительство среди этих хижин своего великолепного, в европейском стиле, дома»¹⁴, нотки осуждения слышатся в этих словах республиканца Ван Галена.

Не ускользнула от его внимания и относительная благоустроенность Нухи, «среди жителей которой преобладали армяне, основавшие производство шелка, что способствовало процветанию провинции»¹⁵. Мадатов представил Ван Галена карабахскому хану, который с большими почестями принял их в своем дворце, продемонстрировав гостеприимство и уважение к гостям.

Мадатов, будучи командующим войсками Карабахской области, а затем военно-окружным начальником Карабаха, Ширвана и Шеки, бесспорно был наделен широкими полномочиями и, как пишет Раффи, получил от Мехти-хана дарственную на владение бывшими владениями Шахназарянов. Позднее, после отставки А.П. Ермолова (1827), как вспоминал Д. Давыдов, Паскевич, недовольный блестящими военными победами Мадатова, «очернил его в глазах государя. Мадатова, обвиненного в грабительстве, лишили владений, пожалованных ему Мехти-Кули-ханом по ходатайству Ермолова, имевшего в виду приучить кавказских владетелей жаловать землями храбрых русских генералов, на что император Александр изъявил свое согласие»¹⁶.

Действительно, в высочайшем рескрипте на имя Ермолова Александр I дал согласие на предоставление Мадатову предлагаемого ему имения в Карабахе¹⁷. Мы не располагаем дополнительными сведениями, мотивировавшими временное отстранение Мадатова от дел, но нельзя не согласиться, что Паскевич, благодаря близости к Николаю I, мог сыграть роковую роль в судьбе генерала.

¹⁴ Там же, с. 249.

¹⁵ Там же, с. 261.

¹⁶ **Денис Давыдов.** Сочинения, М., 1962, с. 505.

¹⁷ Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, СПб., 1863, с. 222–223.

Однако вернемся к лету 1820 г., когда Ван Гален в составе мадаатовского отряда участвовал в карабахской экспедиции. Для испанца это была ознакомительная поездка, мирный вояж, позволивший ему увидеть край и поближе познакомиться с Мадатовым. Ему было приятно общение с веселым, остроумным генералом. Как замечает испанец, Мадатов, зная о перенесенной им лихорадке, интересовался его здоровьем, несомненно, в поездке у них было много возможностей для близкого общения, что способствовало большей доверительности в их отношениях.

Вскоре Мадатов получил приказ Ермолова прибыть в Дагестан для усмирения известного своей жестокостью Сурхай-хана, подстрекавшего других ханов к выступлению против русских. Ван Гален был счастлив наконец-таки принять участие в этом походе, что, как он полагал, давало ему возможность лучше познакомиться с различными народами Кавказа и удобный случай отличиться в бою.

Все перипетии этого выдающегося похода Мадатова известны нам благодаря мемуарам Ван Галена. Кратчайшим, но чрезвычайно трудным оказался путь отряда Мадатова от Ширвана в южный Дагестан. Ван Гален рассказывает: «При переходе через Кавказский хребет, на самой высокой точке пути, когда мы думали, что все препятствия уже позади, перед нами открылась огромная пропасть шириной 40 футов и более 3000 футов глубины, через которую был переброшен шаткий, из трех бревен, покрытых ветвями, мост без перил шириной в три фута. Князь Мадатов, который на своей маленькой лошадке всегда ехал впереди, доехав до моста, не колеблясь, проехал через мост. Пример, которому мы должны были последовать, если не хотели оказаться в глупом положении. Однако невозможно описать чувства, которые мы пережили, проходя через эту страшную бездну. Когда вся группа благополучно прошла через мост, один из наших офицеров спросил Мадатова: «Как называется этот мост?», на что генерал ответил: «Самое подходящее, что я могу придумать, – это Вельзевулский [чертов – А.А.] мост»¹⁸.

¹⁸ *Memoirs*, с. 278.

По дороге в Казикумык, у Хозрека, на неприступной и хорошо укрепленной позиции их ждал неприятель, Сурхай-хан, собравший огромное ополчение в 20.000 человек. По словам автора, у князя Мадатова не было никаких данных, чтоб составить предварительный план действий: «О карте не могло быть и речи, никто из туземцев, находившихся в русском отряде, не бывал в Хозреке, так что сведения ограничивались сбивчивыми... показаниями местных татар»¹⁹. Мадатову пришлось на месте ознакомиться с обстановкой: изучив расположение сил противостоящих горцев, он выработал свой блестящий план действий, ознаменовавшийся безоговорочной победой. Подробности сражения описаны в «Мемуарах»: Ван Галену удалось представить батальные действия на фоне живописных гор Кавказа, дать яркие зарисовки ханов, сражавшихся на стороне русских, не обошел он вниманием и «отдельные сцены свирепости азиатов», бегство Сурхай-хана и т.п. «На расстоянии шести верст земля была усеяна телами убитых, 600 человек взяты в плен. Трофеями победы были весь лагерь и богатая ставка Сурхая...»²⁰, – таков был итог сражения.

Выдающийся военный историк, начальник генштаба Кавказской армии Василий Потто (1836–1911) писал о казикумыкской экспедиции В.Г. Мадатова: «Знаменитый поход этот нашел в лице иностранца Ван Галена любопытного наблюдателя. В военной истории найдется немного горных походов, которые по трудностям могли бы равняться с мадатовским, а между тем многим ли из нас, русских, известен этот поход даже по названию?»²¹.

За взятие Хозрека Якубович и Ван Гален были представлены к высокой награде – ордену святого Владимира. Несомненно, участие испанского революционера в экспедиции Мадатова в Казикумык следует отнести к самому яркому событию его жизни на Кавказе. Созданная им панорама военных действий отряда Мадатова примечательна не только описанием батальных сцен, за всем этим вырисовывается яркая мужественная лич-

¹⁹ **Записки Ван Галена**, с. 667–668.

²⁰ Там же, с. 669.

²¹ **Потто В.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II, СПб., 1886, с. 298.

ность самого генерала, чья доблесть и бесстрашие служили отличным стимулом для воинов. От его внимания ничего не могло ускользнуть, он дорожил жизнью своих офицеров и солдат, всеми силами стараясь защитить, уберечь их. Так, Ван Гален отмечает: «Почувствовав, что мы в опасности, главнокомандующий прислал к нам князя Бебутова, чтоб мы не спешили с атакой, пока не подоспеет помощь»²².

Симпатией к храброму генералу проникнуты строки Ван Галена: «Мадатов, как всегда спокойный и веселый, ехал впереди и сам руководил атакой, появляясь в самых горячих точках. Напрасно окружающие просили его отъехать, чтобы не подвергаться опасности: «А если я уеду, то кто же возьмет Хозрек?» – возразил он, обращаясь к офицерам. «Мы возьмем его, ваше сиятельство!» – ответил за всех подполковник Сагинов и с батальоном Апшеронского полка кинулся на приступ. Он и майор Ван Гален первыми взойшли на городскую стену, и оба были ранены»²³.

После победы Мадатов преображается, приобретая в глазах испанца новые качества... Ван Гален отмечает прекрасное знание им языков, обычаев и национальных традиций народов Кавказа, тонкое дипломатическое маневрирование, умение хитро использовать внутриплеменные трения и разногласия для завоевания народов Кавказа и их вхождения в состав России. Вместе с тем Мадатов, хорошо знавший народную психологию, как победитель мог позволить такое проявление акта доброй воли, которое обращало его врагов в друзей. Так, по свидетельству Ван Галена, после победы Мадатов вывел войска из Хозрека и расположился под городскими стенами, пленные были отпущены на свободу – это было великодушие победителя. Жители Хозрека стали выходить из укрытий, они приходили в лагерь, где Мадатов приветливо принимал их, разъясняя, что русские воюют не с ними, а с их вероломным ханом и т.п. Во время приведения к присяге Аслан-хана Мадатов, как отмечает Ван Гален, не считая приличным присутствовать на церемонии, оставался с офицерами в своей па-

²² *Memoirs*, с. 306.

²³ Там же, с. 317.

латке, – эти факты свидетельствуют о продуманных действиях генерала, стремящегося расположить к России завоеванные народы Кавказа.

Преданность и самоотверженная отвага Мадатова всегда находили у Ермолова благодарный отклик: «Если бы мог я столько положиться на каждого из моих товарищей, то не столько было бы мне трудно, ибо ты не менее каждого делаешь по должности и немало еще сделаешь по дружбе ко мне и давней свычке...»²⁴, – писал он Мадатову.

После Казикумыка блестящими победами ознаменовалось участие Мадатова во взятии Шамхора, Елизаветполя, Шуши. Х. Абовян писал о славных подвигах генерала: «Кто в то время видел деяния Мадатова, либо слышал о них, тот поймет, почему имя его осталось на устах и у армянина, и у тюрка, и у перса. Мир может перевернуться, а память о нем останется неизгладимой в нашем народе и нашей стране»²⁵.

В последний раз Мадатову посчастливилось проявить свое беспримерное мужество в русско-турецкой войне, одержав на Балканах две блестящие победы – около Правод и под Шумлою... Вскоре он скончался в лагере под Шумлою (1829).

Весть о смерти Мадатова дошла до Ван Галена и нашла глубокий отклик в его душе. С чувством сожаления и скорби он писал: «Мадатов еще долго мог бы служить России, если бы преждевременной не стал жертвой азиатов»²⁶.

В память о выдающемся полководце в 1837 г. был выпущен сборник «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова», который с дополнениями был переиздан в 1863 г. под редакцией М.Е. Коцебу, служившего в штабе Мадатова во время дагестанских походов 1819–1820 гг., А.С. Хомякова и И.М. Бакунина, состоявших адъютантами генерала Мадатова во время русско-турецкой войны 1828–1829 г. Перу А.С. Хомякова (1804–1860), поэта, публициста, известного общественного деятеля принадлежит блестящая характеристика Мадатова, где, в частности, сказано: «Природа

²⁴ Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, с. 214.

²⁵ Абовян Х., Раны Армении, М., 1978, с. 274.

²⁶ Memoirs, с. 234.

создала его воином... Верность взгляда никогда ему не изменяла ни при избрании военной позиции, ни при осмотре сил у позиции неприятеля... Никогда не ошибался он, назначая точку, где следует дать отпор неприятелю или где следует нанести ему удар... Мадатов соединял с ними другие важнейшие качества: личную храбрость, которая не бледнела ни перед какой опасностью, ледяное хладнокровие, которое не смущалось никакой неожиданностью и, что всего реже, – то нравственное мужество, которое не пугается никакой ответственности. В решении смелый, он был необыкновенно быстр в исполнении своих намерений, и эта быстрота, величайшая сила в деле войны, отличительная черта ее гениев, Наполеона и нашего Суворова, была верною порукою в успехе всех предприятий князя Мадатова...»²⁷.

По возвращении из Дагестана, Ван Гален узнал радостную весть: во всех полученных им письмах сообщалось о революционных событиях в Испании.

Ван Гален признается: «Ничто не могло сравниться с тем изумлением, которое я пережил, и чтобы читатель понял мою радость, скажу, что в этих письмах каждая строка содержала радостную весть о полной удаче испанской революции»²⁸. Воспользовавшись первым удобным случаем, Ван Гален откровенно поведал Ермолову о причинах, побудивших его оставить службу в русской армии и вернуться на родину. Внимательно выслушав испанца, Ермолов не возразил против его решения, посоветовав дожидаться выполнения необходимых формальностей.

Вскоре произошло событие, ознаменовавшее конец военной карьеры Ван Галена в России. Александр I прислал приказ о награждении всех отличившихся в казикумыкской экспедиции. Ван Гален знал о том, что главнокомандующий представил его к ордену св.Владимира, однако полученная им награда была совершенно иная. Он вспоминал с горечью: «Его величество, не одобряя положение дел в Испании, счел нужным сделать меня ответственным за то неудовольствие, которое возбудили в нем мои

²⁷ Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, с. 188–189.

²⁸ *Memoirs*, с. 333.

соотечественники»²⁹. Возмущенный вновь вспыхнувшим в Испании национально-освободительным движением, приведшим к революции 1820 г., «Александр I сделался ее главным душителем»³⁰, для начала жестоко расправившись с Ван Галеном, приказав изгнать его из армии и под конвоем выслать из страны.

Генерал Ермолов, сознавая, насколько насильственная отставка Ван Галена произведет дурное впечатление на его друзей, предпочел утаить содержание приказа императора.

«Я не считаю себя вправе описать вполне великодушное поведение генерала Ермолова в данном случае, но в то же время не могу умолчать и о некоторых подробностях, так как это было бы неблагодарностью с моей стороны»,³¹ – писал испанец.

Ермолов назначил маршрут Ван Галена до Дубно, снабдив необходимой суммой, чтоб он мог спокойно доехать до родины, и в память о России подарив прекрасную белую бурку. Он разрешил барону Ренненкампу сопровождать своего испанского друга до Моздока.

В ноябре 1820 г. Ван Гален покинул Тифлис, стойко выдержал дорожные неурядицы и в конце февраля 1821 г. был уже в Испании. Он женился на сестре Антонио Квируги, командовал войском и гражданским ополчением Барселоны, бок о бок с Торрихосом и Миной сражался в рядах восставших на острове Леон и покинул Испанию только после того, как революция была подавлена. Некоторое время он был в Гаване, в Соединенных Штатах Америки, затем поселился в Голландии, участвовал в бельгийской революции 1830 г., позже вернулся в Испанию. «Мемуары» были написаны и изданы в эмиграции.

Кавказская одиссея испанского революционера Хуана Ван Галена примечательна тем, что главными ее героями стали две выдающиеся исторические личности – командующий Кавказским военным округом А.П. Ермолов и генерал В.Г. Мадатов, сыгравшие неоценимую роль в при-

²⁹ **Записки Ван Галена**, с. 673.

³⁰ **Алексеев М.П.** Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв., Л., 1964 с. 97.

³¹ **Записки Ван Галена**, с. 673.

соединении Кавказа к России. Однако неменьшую ценность для нас представляет неподдельное, искреннее чувство симпатии к Ермолову и Мадатову Ван Галена, оценившего не только военные победы полководцев, но и присущие им такие чисто человеческие качества, как чувство справедливости, любовь к ближнему и благородство.

ԻՍՊԱՆԱՑԻ ՀԵՂԱՓՈԽԱԿԱՆ ԽՈՒԱՆ ՎԱՆ ՀԱԼԵՆԻ ԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՈՂԻՍԱԿԱՆԸ

ԱՐԱՄՅԱՆ Ա.

Ամփոփում

Իսպանական հեղափոխության պարտությունից հետո Վան Հալենին հաջողվեց ապաստան գտնել Պետերբուրգում, որտեղ, հանձնարարական նամակների շնորհիվ, նա ջերմ ընդունելության արժանացավ և հանդիպեց հրաշալի մարդկանց, որոնք ամենասրտացավ մասնակցությունն ունեցան նրա հետագա ճակատագրում: Ծառայությունը Նիժեգորոդյան գնդում իսպանացուն հնարավորություն ընձեռեց տեսնելու Կովկասը և դառնալու Ա.Պ. Երմոլովի ստեղծած զինվորական եղբայրության անդամը: Ծառայությունը Վ.Գ. Մադաթովի շտաբում, մասնակցությունը նրա ղեկավարած կազիկումիկյան դժվարին արշավանքին Վան Հալենին հնարավորություն տվեցին գնահատելու գեներալի ռազմավարական տաղանդը և անօրինակ խիզախությունը: Իսպանացու հիշողության մեջ ընդմիշտ դրոշմվեցին երկու նշանավոր անձանց՝ Ա.Պ. Երմոլովի և Վ.Գ. Մադաթովի հետ Կովկասում ունեցած իր հանդիպումները:

Арамян А.

THE CAUCASIAN ODYSSEY OF THE SPANISH REVOLUTIONARY JUAN VAN HALEN

ARAMYAN A.

Summary

After the defeat of the Spanish revolution, van Halen was able to find shelter in St. Petersburg, where thanks to the recommendation letters he had, he received a warm welcome. It was there that he met wonderful people who would later have their crucial role in his destiny. The service in the Nizhegorod regiment enabled him to see the Caucasus and become a member of A.P. Yermolov's Military fraternity (founded by A. P. Yermolov). Van Halen's service in V.G. Madatov's headquarters and his subsequent participation in the severest Gazikumkh campaign, which was headed by V. G. Madatov, enabled van Halen to appreciate the general's strategic talent and his exceptional bravery. The two outstanding individuals, A.P. Yermolov and V.G. Madatov, whom he had met in the Caucasus, were engraved on the Spaniard's memory forever.